

Прилепин и Водолазкин о смехе, юродстве и русской литературе | Prilepin and Vodolazkin on laughter, foolishness and Russian literature

Author: Азамат Рахимов, [Женева](#) , 01.05.2015.

Евгений Водолазкин, Захар Прилепин, Жорж Нива (© Nashagazeta.ch)

Известные российские писатели выступили в Женевском университете в рамках встречи, организованной Русским кружком.

Famous Russian writers participated in the discussions organized by the Russian Circle at the Geneva University.

Prilepin and Vodolazkin on laughter, foolishness and Russian literature

Захар Прилепин и Евгений Водолазкин приехали в Женеву, чтобы принять участие в проходящем в эти дни [Книжном салоне](#). Здесь они представили свои книги и ответили на вопросы читателей. Руководство Русского кружка, действующего при Женевском университете более 50 лет, не стал упускать возможность пригласить обоих писателей.

Беседа состоялась 29 апреля в актовом зале главного здания университета. Желающие послушать литераторов стали собираться за час до начала. Да и сами главные герои в сопровождении профессора [Жоржа Нива](#) появились в зале довольно рано. После импровизированного сеанса раздачи автографов гости поднялись на сцену и заняли свои места под яркими витражами.

Встреча началась с длинного, обстоятельного введения профессора Нива, в котором он рассказал основные эпизоды из биографии каждого писателя, а также сделал подробный обзор романов «Обитель» Захара Прилепина и «Лавр» Евгения Водолазкина. По признанию Нива, обе книги произвели на него сильное впечатление, которым он и поделился с собравшимися. В своей речи почетный профессор Женевского университета сделал акцент на нескольких ключевых темах и мотивах романов. По его мнению, в «Обители» показана «встреча народа и Серебряного века»: узниками Соловецкого лагеря оказались представители самых разных слоев населения, что привело к неожиданному близкому соприкосновению людей, которые в обычной жизни почти или почти никогда не пересекались.

(© Nashagazeta.ch)

Что же касается «Лавра», то тут профессор Нива был еще более щедр на

комплименты. «Язык этого романа, может быть, самое удивительное в этой удивительной книге. Это житие одного лекаря, чудотворца, паломника, юродивого и монаха. «Лавр» - это приключенческий средневековый роман», - объяснил он. Такого вступления вполне достаточно для тех, кто книгу не читал, но собирается взять ее в руки. «В книге рассказывается о юродстве и о красоте России. Они как-то связаны. Юродство может спасти мир и Россию не меньше, чем красота, о которой говорит князь Мышкин», - считает профессор Нива. И хотя он еще многое сказал о достоинствах романа, именно от этой мысли оттолкнулись оба писателя в своих выступлениях.

Вступительное слово профессора Нива создало контекст беседы. Поскольку никакой конкретной проблематики не было заявлено изначально, собравшиеся не знали, чего им ожидать. Возможно, по этой причине разговор перескакивал с одной темы на другую. Если относиться ко всему сказанному, как к единому тексту, то некоторые лейтмотивы все же можно обозначить.

Первым начал Евгений Водолазкин. Спокойным доверительным тоном, отдаленно напоминающим голос проповедника, он начал развивать мысль Нива и повел разговор о юродстве в средневековой России: «Когда я писал роман, я прочитал все юродские жития. Профессор Нива сказал, что юродство может спасти мир. Это очень глубокая мысль. Почему? На Западе, а многие и у нас, полагают, что юродство – это эксцентрика. Это не так, эксцентрика есть в юродстве, но это не то, что его определяет. Как говорится в одном церковном песнопении, «юродивый безумием мнимым безумие мира обличил». По его мнению, юродивый – это тот, кто «днем смеется над миром, а ночью его оплакивает». При этом он отрицает свою собственную личность, чтобы обрести ее в боге. Таковы некоторые из основных характеристик юродства, которое на протяжении веков было частью русской культуры.

Рассказывая об этом значимом элементе средневековой жизни, Водолазкин перебрал мост в современность, отметив, что, например, не считает Pussy Riot юродивыми, поскольку он не уверен, что они оплакивают Россию и ее несовершенства. Следовательно, смех, направленный на изобличение, разрушителен, если он не уравновешивается искренней болью из-за несовершенств мира. «Юродивый же говорит с ангелами, и мне кажется, в современной России сегодня особенно нужны такие люди», - считает писатель.

Юродивый. Фрагмент картины "Боярыня Морозова" Василия Сурикова

Затем настала очередь Захара Прилепина, чей быстрый темп речи и громкий голос резко контрастировали с предыдущим оратором. Но во взглядах на смех они совпали. Описав работу над «Обителью», Прилепин подчеркнул разрушительность смеха, который не оборачивается плачем. Затем он вспомнил про русскую традицию сатиры, созданную Гоголем, Пушкиным, Салтыковым-Щедринным, Чеховым и другими.

«Гоголь критиковал и изобличал, но он же писал «Возлюбите Россию, возлюбите русских». Если попросить сегодняшнего остроумца всерьез вслух произнести эту

фразу, у него разорвется черепная коробка, потому что он не чувствует этого плача. Может, я сформулирую радикально, но для меня смех саркастический, смех издевательский – подсознательное желание смерти тому объекту, над которым ты смеешься. Высмеивая иконостас, иерархию культурную и литературную, высмеивая богов и святых, высмеивая землю, повадки и привычки, ты хочешь, чтобы этого не было, низвести это до состояния полускотского», - уверен Прилепин. Современная русская литература, по его мнению, пытается преодолеть эту «надоевшую издевку, надоевшую ухмылку».

Тут настала очередь Водолазкина продолжить мысль коллеги: «У русской литературы особая метафизичность. Я не хочу сказать, что русская литература лучшая в мире, но такого метафизического накала я больше нигде не встречал». То есть, если избавиться от вежливого реверанса, русская литература – лучшая в мире.

Затем Водолазкин вновь увлекся темой средневекового юродства, при этом он активно приводил по памяти цитаты из Бердяева, Бахтина, Гоголя и других известных писателей, исследователей и философов.

Также Водолазкин сделал акцент на особом отношении современного русского читателя к слову. По его мнению, классическая литература сформировала у нас серьезное восприятие текстов. «Русская культура основана на четком понимании того, что есть хорошо, а что плохо», - считает он. А потому смеяться над тем, что хорошо в моральном смысле, у нас не принято.

(© Nashagazeta.ch)

Затем настало время вопросов из зала. Прилепина спросили о его отношениях с Эдуардом Лимоновым, на что он ответил несколькими забавными историями из жизни. Потом оба писателя буднично порассуждали о своем отношении к славе. По

одному вопросу к каждому задали и мы. Правда, оба вопроса пришлось произнести сразу.

Наша Газета.ch: Захар, Вы довольно красочно объяснили, какую неприязнь у Вас вызывает разрушительная сила смеха, его целенаправленная деструктивность, нацеленность на низложение. Не кажется ли Вам, что современный общественно-политический дискурс, который создают российские СМИ и многие публичные люди, пронизан чувством неприязни и ненависти. А если так, то насколько это чувство созидательно?

И сразу небольшой комментарий в отношении сказанного Вами, Евгений Германович. Когда Вы говорили о смеховой культуре Средневековья, Вы несколько раз подкрепляли свои стройные рассуждения цитатами из Бахтина. Создается впечатление, что Вы выбрали только те части его теории, что вписывались в Вашу концепцию, не упомянув несколько ключевых положений. Например, Вы ничего не сказали о том, что смеховая культура, встроенная в парадигму социальной и политической жизни, служит для обновления социальных связей, не позволяя ни одному человеку чувствовать себя расслабленно. То есть, Вы не упомянули смех как двигатель общественных отношений, а это один из главных тезисов Бахтина.

Захар Прилепин: А по-моему, Женя как раз про это говорил. Извини, что я отвечаю за тебя, но это касается и меня. В соц-арте многие начинали с того, что критиковали вещи, что гнили и умирали, но затем они перекинулись на то, что гнить не могло.

Чтобы наш разговор не был метафорическим, приведу конкретный пример. Мне однозначно неясно, когда в смеховой контекст выносятся вещи святые для меня: Зоя Космодемьянская, русская девушка, повешенная немцами, русский солдат, мать, ребенок. Я начинаю испытывать отвращение к тому, что я есть и что собой являет насмешливый текст.

Вы ведь тоже достаточно ловко подменили понятия и сказали: «Если Вы против смеха, значит, Вы за ненависть против этого смеха». Могу ответить двумя способами. Русский писатель никогда не был в роли такого иисусика, такого доброго дедушки, который ходит и всех целует в голову. У нас и Толстой был раздражителен, а какой злой был Достоевский, да и прочие дуэлянты! А какой спор был между консервативным движением и либералами 17-го года. Они рвали друг друга в идеологических спорах очень серьезно! Можно ли говорить тут о ненависти, я не уверен. Но это достаточно высокая степень конфликтности русской литературы. Поэтому говорить: «Вот тут смех, а вот тут ненависть православных мракобесов» – это упрощение ситуации.

Я надеюсь, что не источаю ненависть к своим оппонентам или смеховой культуре. Я сам много смеюсь. У меня есть остроумные рассказы. Я просто подмечаю болезненный смех. Но, конечно, дурной смех бесперспективен, а ненависть также отвратительна.

Евгений Водолазкин: Пожалуй, Захар ответил на часть вопроса ко мне. Смех действительно можно понимать, как разрушительную силу, но эту деструкцию я также понимаю нейтрально. Поскольку затем эта деструкция может вести к конструкции. Содержательно я солидарен с Захаром.

Позволю себе методическое замечание. Вы сказали, что я цитирую одни вещи и не цитирую другие. Но я ведь не поставил себе задачу – цитировать Бахтина от начала и до конца. Каждый цитирует в той степени, в которой ему близки те или иные позиции теории предшественника. Это естественно. Бахтин смотрит на смех в контексте карнавала.

Кстати, эта работа вдохновила Лихачева и Панченко на изучение карнавальных элементов древнерусской культуры. Они сделали замечательное открытие: сатира 17-го века – это был особый смех, который был направлен на самого себя. Древнерусский смех – особое дело: человек всегда смеется над собой, но не до крови. Интересный факт: когда на Русь пришли анекдоты из Польши, русский человек, привыкший мыслить в моральных категориях «хороший-плохой», не мог их понять. В анекдоте есть смешные, там нет хороших и плохих. Переход к этому типу мышления был труден для Руси, и он до конца не осуществился.

От редакции: Мы приглашаем наших читателей, присутствовавших на встрече, поделиться своими впечатлениями.

[Русский кружок](#)

Статьи по теме

[Россия – равнодушие невозможно](#)

[Россия – почетный гость Женевского книжного салона](#)

[Русская программа Женевского Книжного салона](#)

[Старые гренадеры, пирожки и «Лев Толстой» в подарок](#)

Source URL: <https://dev.nashagazeta.ch/node/19546>